

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Longacker R.W. Foundations of cognitive grammar. V. I: Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p.

Лангакер с удивительной ясностью говорит о целях своей книги. Его "цель... представить и обосновать особую концепцию грамматической структуры. Она (эта концепция) органично вытекает из всестороннего обобщающего взгляда на лингвистическую организацию, охарактеризованную в терминах когнитивной обработки. Отсюда и название — когнитивная грамматика" (КГ).

Далее Лангакер утверждает, что КГ "в своей основе расходится с господствующими течениями современной лингвистики". Она также расходится с большей частью лингвистических теорий, на которых основывалось предшествующее изучение языка. Любую фундаментальную посылку такого рода логично обсуждать, лишь принимая во внимание ее основополагающие утверждения. Лангакер представляет свою теорию путем развернутых экспликаций, местами даже чересчур развернутых, как, например, в случае, когда он говорит о различении белой точки на черном поле (с. 121—122 и далее), в своем "фонологическом описании" английского языка (с. 388—394). Занимательный читатель обнаруживает в этой хорошо организованной работе значительное число доказательств в пользу представленной концепции.

В первом из двух томов изучение "теоретических предпосылок" состоит из трех частей: I. Общие предпосылки (с. 9—96), II. Семантическая структура (с. 97—274), III. Грамматическая организация (с. 275—480). Полторы странички заключения, а также предисловия — это, по существу, авторская самооценка, которую я оставляю на суд читателей, и аннотация следующего, второго тома, который призван "предложить более развернутый анализ именной и глагольной структуры на основе (хотя ни в коем случае не исключительно) английского языка" (с. 481—482). Подобное ограничение

не вызывает удивления, если принять во внимание положение автора о том, что "семантическая структура не универсальна", а также ввиду очевидного отсутствия интереса к другим языкам; первая ссылка на другой язык находится на с. 57 (замечания об [u] во французском *tu*), а следующее неанглийское слово появляется только на с. 175. Таким образом, работа вполне могла бы быть озаглавлена "Основы английской когнитивной грамматики".

Три части разделены на 12 глав. Первая глава второй части, касающаяся когнитивных способностей (с. 99—146) и вторая глава третьей части, рассказывающая о символических единствах (с. 328—368), должны являться центральными главами первого тома в соответствии с основными положениями, утверждаемыми в данной книге:

1) Семантическая структура не универсальна; она в значительной степени зависит от специфики конкретного языка. Кроме того, семантическая структура основывается на конвенциональной образности и характеризуется по отношению к структурам знания.

2) Грамматика (или синтаксис) не является самостоятельным формальным уровнем представления. Напротив, грамматика, будучи по существу условной, символизацией семантической структуры, символична по своей природе.

3) Не существует какого-либо значимого различия между грамматикой и лексикой. Лексика, морфология и синтаксис образуют континуум символических структур, которые различаются по разнообразным параметрам, но могут быть разделены на отдельные компоненты лишь условно.

Однако Лангакеру не удастся избежать подобных попыток "разделения", как, например, когда он описывает "морфемный уровень" (с. 396).

Представляя свои взгляды, Лангакер противопоставляет их лишь трансформационной порождающей грамматике (ТПГ). при-

чем иногда в резкой форме, фактически не обращая внимания на всю предшествующую теорию; из работ, опубликованных до 1957 г., библиография (с. 495—504) включает лишь две обязательные ссылки на "Курс" Соссюра [1] и "Язык" Блумфилда [2], а также две ссылки на работу Сепира [3] и Вовделла [4] (исследование фонем), одну на Герна [5] (значение) и одну на "Философские исследования" Витгенштейна [6].

Несмотря на то, что, подобно сторонникам ТПГ, Лангакер заимствует многое из когнитивной психологии, для него "лингвистика является эмпирической дисциплиной" (с. 45), а "когнитивная грамматика — это теория, основанная на узусе" (с. 46). Явления языкового узуса классифицируются путем обращения к концепту прототипов (определяемых на с. 492 как "такие единицы в схематической сети, которые естественным образом являются наиболее заметными, которые чаще всего являются предметом мысли и которые предпочтительно выбираются в качестве представителей категории"). Тем не менее Лангакер находит "параллели" между КГ и ТПГ, особенно в их наиболее недавних вариантах: например, "большой акцент на поверхностную форму", "большой акцент на лексикю", "поиск психологически реалистичного основания структуры языка, который непосредственно связывает ее с обработкой языка" (с. 4—5). Автор не рассматривает связь и управление. Кроме того, "практические свойства формализации в большинстве своем были преувеличены, (в особенности) та точка зрения, что тщательная формализация есть необходимое условие любого важного открытия в лингвистике" (с. 44—45).

Более того, фундаментальным вопросом в лингвистической теории является природа значения и то, как его интерпретировать... когнитивная грамматика... отождествляет значение с концептуализацией (трактруемой как когнитивная обработка). Она, таким образом, противоречит основным традициям семантической теории" (с. 5). Для Лангакера "разум есть ментальная активность" (с. 138), то же самое, что и "ментальная обработка" (с. 100). "Грамматика есть комбинация символических структур с целью создания символических выражений высокой степени сложности. Таким образом, компоненты грамматической конструкции являются символическими и имеют как семантический, так и фонологический полюс" (с. 88). В отличие от ТПГ, КГ не считает синтаксис самостоятельным уровнем (с. 28).

Основной задачей Лангакер считает соз-

дание "полностью адекватной и абсолютно формализованной грамматики" (с. 44). Такая грамматика "постулирует всего лишь три основных типа структуры: семантическую, фонологическую и символическую. Символические структуры не столько отличаются от первых двух типов, сколько являются их сочетанием. Символическая структура биполярна и состоит из семантического полюса и фонологического полюса, а также связей между ними" (с. 76).

Приведенные выше тезисы представляют некоторые из основных принципов лангакеровского подхода к языку. Я не буду детально рассматривать его концепцию, в особенности многочисленные построения и специальные термины. Термины в большинстве своем приведены в словаре (с. 485—494), остальные могут быть найдены в тексте с помощью указателя (с. 505—516).

Можно также добавить следующие замечания (ср. [7—8]).

1. Для Лангакера "грамматика языка является простым инвентарем лингвистических единиц. (Между тем) исчерпывающее описание языка не может быть дано без полного описания человеческой когниции" (с. 63). Судя по всему, придется подождать еще некоторое время появления грамматики любого языка.

2. Основанием для "работающей" семантической и грамматической структуры является "энциклопедическая концепция лингвистической семантики" (с. 155) в противоположность "концепции лингвистической семантики словарного типа" (с. 156). В поддержку этой позиции Лангакер выдвигает тот довод, что "энциклопедическая концепция лингвистической семантики дает возможность естественного и интегрирующего описания структуры языка, которая связно и последовательно включает в себя такие основные пункты, как отношения грамматической валентности, семантическую протяженность (сфера, охватываемая значением) и узус" (с. 156). Он трактует "явления узуса" в том же плане, как, например, случай с французским *avant* и *après* и то, что может быть проиллюстрировано тривиальным английским примером на семантику *The cat is on the mat*. С его точки зрения, "бесконечные возможности" интерпретации говорят в пользу энциклопедической концепции. Любопытно, что "энциклопедическая концепция" слова *cat* включает в себя множество фактов, которые вряд ли имеют отношение к интерпретации этого и многих других примеров употребления этого слова, например, "поток крови как сравнение с ныряющим животным", "овуляция, вызванная

спариванием", "третичные эволюционные тенденции". С другой стороны, энциклопедии уделяют мало внимания фактам, включаемым в "концепцию словарного типа". Если настаивать на том, что переносное употребление нельзя не принимать во внимание, Лангакеру придется включить в свое поле зрения целый ряд ситуаций, как, например, лежащих в основе утверждения *A cat may look at a king* или шекспировское *A rox upon him for me, He is more and more cat*. Прочие значения слова *cat* достаточно полно описаны в словаре. Вместо того, чтобы думать о том, как перейти к энциклопедическим концепциям, лингвистам, возможно, следовало бы установить более тесные контакты с осуществляемыми в настоящее время проектами по составлению словарей, как, например, проект OED (Oxford English Dictionary) и французского словаря на основе двух миллионов компьютеризованных текстов. Сотрудничество могло бы быть полезным для обеих сторон.

Очевидно, что Лангакер отдаст предпочтение энциклопедической концепции перед концепцией словарного типа, потому что последняя исходит из "предположения о том, что язык (и, в частности, семантика) представляет собой самостоятельную формальную систему", предположения, которое, с его точки зрения, "просто ни на чем не основано". Тот факт, что автономия языка была бы чрезвычайно удобной для лингвистов, не дает оснований верить в ее реальное существование (с. 156). Между тем не так уж много ученых считают автономной область, в которой они работают. Например, биологи признают полезность химического анализа и активно его используют, равно как и достижения физики, и т.д. Ученые размежевывают сферы своей деятельности для более глубокого проникновения в свой предмет. Лингвисты изучают язык, социологи изучают социальные группы, эпистемологи — природу знания. Трудно представить себе, что социологи или эпистемологи считают свой предмет "самостоятельной формальной системой". Важнейшим вкладом в изучение языка в прошедшие десятилетия явились именно результаты сотрудничества лингвистов, социологов и ученых других специальностей.

Лангакер в особенности возражает тем, кто изучает значение, "охватывая" автономную семантику на основании "той точки зрения, что человеческая концептуализация не поддается эмпирическому исследованию и точному описанию". В его представлении "значение есть в конечном итоге предмет концептуализации... кажется необоснован-

ным избегать трудностей описания ее в этих терминах, какими бы ограниченными ни были нынешние возможности делать это" (с. 156). Лангакер, безусловно, свободен в выборе пути изучения языка. И он имеет право надеяться, что его попытки в конце концов увенчаются успехом. Пока что он ограничивается предположениями. В этой связи можно вспомнить заключение Блумфилда о том, что попытки объяснить относительно простые проблемы языка с помощью гипотез, касающихся умственной деятельности, имеют свои недостатки, а это — что признает и Лангакер — намного усложняет путь решения этих проблем.

3. Более того, в когнитивных исследованиях также существуют различия в подходах и взглядах. Недавно опубликована еще одна двухтомная работа, структура которой удивительно похожа на структуру работы Лангакера [9]. В первом томе содержатся общие теоретические положения, второй том посвящен биологическим и психологическим моделям. Группа разрабатывает систему для исследования и управления компьютерами и добивается успешного обучения языку, сравнимого с обучением детей. Ученые предполагают, что их системы могут обучиться любому когнитивному поведению. Как и у Лангакера, в данном подходе отвергается различие между способностью и действием, а также постулирование правил языка. Но эти системы скорее моделируют контроль над языком, а не над знаниями, выражаемыми при помощи языка; компьютерные системы скорее не собирают энциклопедических знаний, а система нервных клеток головного мозга, которая используется языком для передачи этого знания. Таким образом, компьютерные модели, созданные этой группой, проявляют когницию и усвоение языка. Из этого не следует, что язык неразрывно связан с передачей информации, что он не отличен от этой информации, скорее, напротив, он, возможно, является самостоятельной системой.

4. Как и все другие недавние теории, исследование Лангакера было бы более убедительным, если бы он принимал во внимание работы своих предшественников. С удивлением читаем, что "лингвисты постепенно приходят к должной оценке критического значения категоризации для лингвистических структур" [7]. Есперсен в своей основной теоретической работе посвятил категориям целую главу [7]. На ее последних трех страницах рассматриваются понятийные категории. В его представлении "задачей грамматики является исследование отношений между понятийными и синтаксическими

категориями". После рассмотрения примеров он останавливается на "тройном делении, трех стадиях грамматического исследования одних и тех же феноменов, или трех точек зрения, с которых могут рассматриваться грамматические явления, которые могут быть кратко описаны так: (А) форма, (В) функция, (С) значение". Более того, он настаивает на том, что категория в (С) «должны иметь лингвистическое значение; мы хотим понять языковое (грамматическое) явление, и, следовательно, было бы неправильно приняться за работу, считая, что языка не существует, классифицируя вещи или идеи без учета их языкового выражения... мы не должны надеяться, что придем к "универсальной грамматике" в том смысле, как ее понимали старые философские грамматисты». Можно было бы сберечь множество усилий и использовать их для исследования понимания языка и управления им, если бы лингвисты и специалисты по искусственному интеллекту учитывали в своих рассуждениях стройную концепцию Есперсена.

Ельмслев также ясно высказывается по поводу категорий в своей книге "Проломены", где он говорит, что «лингвистическая теория предписывает текстовый анализ, который приводит нас к признанию лингвистической формы, стоящей за "субстанцией", непосредственно воздействующей на наши органы чувств, и за текстом стоит язык (система), состоящий из категорий, из определения которых могут быть выведены возможные единицы языка» [8, с. 96]. Дальнейшее исследование категорий может быть проведено при учете ссылок на Блумфилда, Хоккета и других. В общем, принципиальное значение категоризации признано настолько широко, что об этом уже не нужно так много говорить; отчет о недавней конференции Индогерманского общества, посвященной категориям, уже даже не включает в рассмотрение их определения [10].

5. Хотя это будет некоторым отклонением от темы, я хочу обратить внимание на послесловие Есперсена к упоминаемой выше главе. Он кратко ссылается на великую книгу "Мысль и язык" выдающегося историка французского языка Ф. Брюно, опубликованную в то время, когда теоретическая работа Есперсена была уже в основном завершена. Согласно Есперсену, Брюно "предлагает революционизировать обучение (французской) грамматике, начиная это обучение изнутри, с мыслей, которые должны быть выражены, а не с форм". Есперсен выдвигает две задачи: 1) важно начинать с мысли, понятия — это один из двух путей

подхода к фактам языка, первый из которых — путь снаружи вовнутрь, а второй — наоборот, и 2) "необходимо поддерживать различие грамматики и словаря". Лингвисты и специалисты по искусственному интеллекту, работающие с представлением знаний, могли заметить, что предлагаемая ими "революция" является повторением более ранних исследований языка, где поднимались вопросы, из которых можно извлечь пользу после должного размышления.

6. Лангакер, вероятно, также считает себя пионером в статистическом подходе к языку, противопоставленном подходу к языку как к идеальной схеме. "Верхом на белом коне" он атакует "как диахронические, так и типологические исследования" (с. 48). И те, и другие обвиняются в поддержке идеи "абсолютной предсказуемости". Вновь опираясь на недавнюю публикацию на английском языке [11], он атакует неограмматиков за их «утверждения о том, что законы значимых звуков не имеют "действительных" исключений» (с. 48). В качестве контраргумента против их объяснения "кажущихся исключений" "аналогией или же действием еще пока не открытого звукового закона или какой-либо другой причиной" он заявляет, что "некоторые виды изменений распространяются путем лексической диффузии". Как бы мы ни приветствовали дополнительные исследования в области звуковых изменений, необходимо отметить, что историческое языкознание уже давно дало примеры такого распространения. Можно заметить, что статья Лабова всего лишь применяет современный подход и терминологию к интерпретации факта, давно уже исследованного историческим языкознанием.

Более того, на любом элементарном занятии по истории немецкого языка при рассмотрении изменения древнесверхнемецких согласных звуков приводятся слова, где варьируется тот или иной согласный. Наиболее часто используемые в качестве примеров слова — это среднефранкские *it, dit, dat, wet, ellet*. Прибш и Коллинсон [12] отмечают также, что *dit* распространяется к нижнегерманскому ареалу вплоть до гессенского и тюрингского. Хотя элементарные занятия по историческому языкознанию могут уделять основное внимание обобщениям, подробные списки звуковых изменений, отмеченных в определенные исторические переходы, уже давно стали общедоступными. Здесь можно отметить статью, написанную по-английски [13]. Используя одну из карт диалектического атласа Вредс, Блумфилд приводит различное распределение слов по 61 субареалу немецкого ареала.

в которых происходит изменение согласных. Было бы целесообразно проштитировать его размышления о процессе работы: "Мощные и глубоко укоренившиеся запреты мешают исследованию языка, в особенности родного языка... информация часто поступает в очень малых количествах, иногда на страницу едва приходится одна форма". Хотя наблюдения Блумфилда относятся к изучению диалектов, они могут касаться также и теоретических книг, особенно последняя фраза: "Честно говоря, в научной претенциозности очень мало ценного" [13, с. 182].

Перед тем, как вновь обрушиться на неограмматиков или предлагать исправлять теорию исторического языкознания, лингвистам, возможно, следовало бы просмотреть более ранние публикации, как, например, первую статью В. Брауна [14]. Тогда бы им стало понятно, что мало кто из лингвистов-историков придерживался мнения о том, что все носители языка к югу от линии Бенрата однажды приняли усовершенствованные языковые законы и решили изменить *p*, *t* и *k* в соответствии с некоей великолепной теорией Хомского — Халле.

7. Точно так же типологи используют статистику для работы с фактами языка. В соответствии с научным методом, они на основе статистики могут делать обобщения и постулировать "ожидаемые модели" [15]. Лингвисты, которые сейчас приняли термин "прототип", могут прийти и к пониманию выражения "ожидаемые модели". Обобщения, касающиеся прототипических моделей, в свою очередь могут быть взаимосвязаны и сгруппированы по определенному принципу. Предлагаемый принцип и обобщения могут быть отвергнуты, но только после изучения соответствующих явлений, а также расширены за счет изучения новых данных. Одно лишь обширное изучение фактов, на котором был основан мой принцип 1973 г., поддержало интерпретацию данных индоевропейских языков [16]. Трудно понять, как серьезный ученый может пытаться отвергнуть обобщения, прибегая к способу, названному Честертоном использованием шельмования в качестве палки для битья догм.

8. Вероятно, самой слабой частью работы Лангакера является его неспособность рассматривать язык как феномен, подверженный постоянным изменениям. Вместо того, чтобы основываться на своих же мыслях об отказе от направленности теории на "идеального адресанта — адресата" и т.д., он цепляется за шаблоны, установленный в результате специального исследования идеального языка, примером чего является исполь-

зование английского языка. Поскольку статистический подход имел бы мало смысла при работе с идеальной системой, Лангакер имплицитно признает, что язык постоянно меняется, находится в постоянном движении. Ему следовало бы построить свою теорию на этом признании. В наше время лингвисты обращают всеобщее внимание на объединение синхронической и диахронической лингвистики после ограничений, наложенных Соссюром или противоположных им ограничений, выдвинутых Хомским, как сделал, например, Гамкрелидзе в своем блестящем докладе на Конгрессе лингвистов [17]. Как бы ни была озаглавлена книга по теории, она не может обходить вниманием исторический аспект языка.

9. Далее, выводы не могут делаться лишь на основании точки зрения, что они естественны или сразу бросаются в глаза. Очевидно, что для автора слово "естественный" более значимо, чем "обоснованный". Лингвистические исследования очень много выиграли бы от введения абсолютного и постоянного запрета на термин "естественность".

10. Кроме того, как заявляет Лангакер на первых страницах своей работы, простое изложение новой теории, подкрепленное лишь несколькими разрозненными фактами, малоубедительно. 60-е годы прошли. Теперь уже нельзя завоевать имя или создать школу лишь за счет интересных идей и хитроумных предложений. Теории, будь то ТПГ, КГ, УС, функционально-лексическая теория Газдара — Пуллума — Сапа или любая другая, располагают общим средством доказательства своего превосходства над теориями Муррея, Есперсена, Поля, Мейе, Лемана и т.д., независимо от того, прямо или косвенно они излагаются: они должны создать лучшие грамматики и словари. Только после того, как авторы теорий создадут труды, способные поколебать основные положения работ [18, 7, 19, 20] и т.д., только тогда мы получим доказательства того, что та или иная теория действительно самая "естественная". И самая очевидная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Saussure F. de. Cours de linguistique générale.* P., 1916.
2. *Bloomfield L. Language.* N.Y., 1933.
3. *Sapir E. Sound patterns in language // Language,* 1925. 1.
4. *Twaddell W.F. On defining the phoneme.* Baltimore, 1935.
5. *Stern G. Meaning and change of meaning.* Goteborg, 1931.

6. Wittgenstein L. Philosophical investigations. N.Y., 1953.
7. Jespersen O. A modern English grammar on historical principles. V. 1—7. Copenhagen, 1909—1936.
8. Hjelmslev L. Prolegomena to a theory of language / Translated by Whitfield F.J. Madison, 1969.
9. Parallel distributed processing: Explorations in the microstructures of cognitions. V. 1—2 / Ed. by Rumelhart D.E., McClelland J.L. Cambridge (Mas.), 1987.
10. Grammatische Kategorien: Funktion und Geschichte // Hrsg. von Schlerath B., Rittner V. Wiesbaden, 1985.
11. Labov W. Resolving the Neogrammarian controversy // Language. 1981. V. 57.
12. Priebisch R., Collinson W.E. The German language. London, 1948.
13. Bloomfield L. Initial *k* in German // Language. 1938. V. 14.
14. Braune W. Zur Kenntnis des Fränkischen und zur hochdeutschen Lautverschiebung // SGDSG. 1874. Bd 1.
15. Lehmann W.P. A structural principle of language and its implications // Language. 1973. V. 49.
16. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. 1—2. Тбилиси, 1984.
17. Gamkrelidze Th. Language change and diachronic linguistics // Preprints of the plenary session papers. XIV International Congress of linguists. B., 1987.
18. Oxford English dictionary. V. 1—13 / Ed. by Murray J.H. et al. Oxford. 1888—1928.
19. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd 4—5. Halle, 1916—1930.
20. Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. P., 1937.

Леман В.П.

Перевела с английского Азарова Н.М.

Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев: Наукова думка, 1988. 240 с.

Автор монографии — известный философ, занимающийся проблемами теоретического языкознания. С.А. Васильев справедливо отмечает, что многие проблемы, поставленные еще в 20-е годы, не получили окончательного лингвистического решения или объяснения. Например: 1) Почему синтез значений эталонных языковых знаков дает в итоге смысл, который не сводится к сумме этих значений? 2) Почему вырванное из контекста слово утрачивает "верхние" пласты речевого смысла, сохраняя только его устойчивое ядро — лексическое значение, которое и фиксируется в словарях? 3) Принадлежат ли текстовые элементы, функциональное значение которых проявляется только за пределами предложения, и их функции к языку или же язык полностью исчерпывает свои полномочия лишь предложением, а в тексте отношения между этими элементами регулируются уже иными — неязыковыми механизмами?

С.А. Васильев справедливо полагает, что языковая компетенция не исчерпывается способностью строить и понимать осмысленные предложения, она включает также владение механизмом сверхфазового анализа и синтеза (с. 47—51). Исходя из этого, С.А. Васильев ставит целью исследовать закономерности и структуры человеческого мышления, данного в интересующих

активных и наблюдаемых формах текста. В основе этого замысла лежит его убеждение, что все попытки "схватить" и изучить мысль в ее идеальных, не отягощенных языковой материей формах неизбежно основаны на целом ряде неосознаваемых, а значит неконтролируемых, абстракций.

Книга С.А. Васильева состоит из введения (с. 3—10), трех глав (с. 11—226), заключения (с. 227—228) и списка литературы (с. 229—238).

В первой главе ("Текст и язык. Способ существования языка", с. 11—52) — самой краткой в монографии и целиком "языковедческой", хотя данные проблемы волнуют и философов, — нашли отражение наиболее болезненные и, можно сказать, "вечные" вопросы современного теоретического языкознания: как философ понимает соотношение "язык—речь" и проблему объективации мысли, сущность языка как системы абстрактных знаков-эталонов, разграничение "знаков языка" и "знаков речи", проблему языка как отражения регулярностей в тексте и, наконец, язык как предмет научного описания.

Во второй главе ("Тексты и предметный мир человека", с. 53—134), рассматриваются сущностные характеристики и границы текстов, проблемы смысла в текстах и смысла в предметном мире, соотношения невербальных знаков и текстов.